

Я вас любил...

Неоконченный концерт Сергея Ларина

Не улыбается ему Москва. Свое первое выступление здесь (январь 96-го, Большой театр, "Тоска") один из самых ангажированных в мире русских теноров вспоминает как цепь унижений, что не могло не отразиться на результате. Свой нынешний концерт в БЗК он вынужден был прервать на середине второго отделения — по причине нездоровья. Но главное все-таки сказать успел, и это главное заключается в следующем: герой первостепенных и прочих оперных подмостков — прирожденный камерный исполнитель. (Открытие, надо признать, запоздалое, Ларин три года как осваивает в своем зарубежье "пространство тонких чувств", в частности, московская программа, составленная из романсов Чайковского, Рахманинова, Римского-Корсакова и цикла Мусоргского "Песни и пляски смерти", была им пета не раз, в последний — несколько недель назад в лондонском Вигмор-холле).

Цикл "отложим" в сторону сразу — это как раз то, что не прозвучало, оставшись за безвременно опущенным занавесом (но если б прозвучало, могло бы стать событием, по крайней мере, формальным — тенора за "Песни и пляски", как правило, не берутся). Что же касается романсов, то почти все они были из числа шлягеров: "Средь шумного бала", "Серенада Дон Жуана", "Снова, как прежде, один", "Отрывок из Мюссе", "Здесь хорошо", "Не ветер вея с высоты" и так далее.

Петь такие на Западе умно, в России — опасно. Не представишь свежего прочтения там, где до тебя было читано тысячу раз, — считай, зря приезжал в это царство тургеневских девушек (а также юношей, дам и господ всевозможных возрастов), перманентно ждущих не красивых, а настоящих признаний. Один скажет: "Я вас люблю", — лишь усмехнутся. Другой — ему поверят. Хрипящий, с проблемной кантиленой и время от времени неопределенной интонацией Ларин оказался именно этим другим. Никакой позы, игры и привычной для оперного певца демонстрации силы, то бишь голоса. Только приглушенная нежность и глубоко пережитое, высказанное так нетривиально, что — все бросить и бежать за ним на край света.

Как можно догадаться, этот умелый прыжок из экстравертов в интраверты пошел на пользу прежде всего Чайковскому. Именно в "его" части программы нет-нет да являлись миражи — несостоявшиеся исполнительские шедевры, которым до реальности не хватало, хочется верить, пустяка. Ложки впрочем принятый певцом микро-туры или хорошего отдыха после перелета Париж — Москва (в Опера Бастий, все заметнее делающейся первым театром мира, Ларин поет сейчас "Норму"). Тогда бы — это тоже из области приятных фантазий — и разговор об "отношениях" певца с мятежным Рахманиновым не свелся к констатации: до ро-

мансов Сергея Васильевича он добрался, уже изрядно потеряв веру в то, что справится с голосом, и продолжая невольно держаться за было пришедшийся ему впору стиль Чайковского. И разговор о Римском-Корсакове не ограничился бы унылым: его сочная звукозапись превратилась в схоластику — не упиваться музыкой здесь нельзя, но упиваться ею Ларин уже

не мог. Впрочем, сначала чувство, потом ясное выразительное слово, потом музыка — так вообще на протяжении всего концерта выглядела шкала ларинских приоритетов. Что это — стиль? Или дисбаланс слова и музыки — временное следствие нездоровья? Искать ответы будем на CD с русской лирикой, их у певца записано три, или на следующем концерте. "Позовут

— приеду", — говорил Ларин, убежденный, что русский певец без русской публики — нонсенс. Следовательно, стоит ждать. Одно пожелание: сменить концертмейстера. Еще раз невнятного "мур-мур" в исполнении лондонской пианистки Элеоноры Бековой тургеневским девушкам не перенести.

Лариса ДОЛГАЧЕВА

Фото Э. ЛЕВИНА

Кудрявцева - 1998 - 11-12 мая - 1998

591

27.05.98

Ларин Сергей